

(57,7% (Е), 70,1% (Г), 40% СТФ). При этом полагают, что преподаватель ОПК должен быть священником, 38,4% (Е), 31,1% (Г), 30,9% СТФ; только светский учитель, верующий человек 58,6% (Е), 66,2% (Г), 78,18% СТФ; ученый-атеист — около 5% всех опрошенных.

Подводя итоги проведенного исследования, можно без труда заметить наличие в сознании российской молодежи синтетического соединения *традиционной и формальной религиозности*, что вполне соответствует состоянию переходного периода. С одной стороны, налицо ориентация на традиционное мировоззрение, с точки зрения которого вера, православие непосредственно связаны с восприятием этнической самоидентификации. Традиционная религиозность представлена достаточно традиционными способами: поголовное (невыбираемое) крещение, абсолютно однозначная корреляция между верой и традицией народа, верой и семьей, определение веры как способа консолидации общества. В современном обществе легко был "восстановлен" архетип традиционной религиозности в качестве атрибута собственной истории, фактора культуры и идентичности. В полупатентной форме традиционная религиозность всегда существовала в нашей культуре, и все поколения русских людей выступали ее бессознательными носителями (кто-то в большей, кто-то в меньшей степени). Традиция передалась и молодому поколению, но с еще более выхолощенным переходной эпохой содержанием, превратившимся в симулякр, эрзац веры. Отсутствие реальной церковной практики (воцерковленности) и низкий уровень конкретных религиозных знаний и актуализируют переход традиционной религиозности в формальную.

Общим свойством религиозности современной молодежи является ее пассивный, нецерковный характер. Так, в шкале ценностей посещение церкви не немного значимее, чем развлечение. Подобную нецерковную религиозность немецкий социолог Т. Лукман назвал "невидимой", "приватной". В наших условиях она проявляется в том, что молодежь, выросшая в отрыве от православной традиции, верит в возможность личной веры и общения с Богом без посредничества церкви и священников. Установка на частную жизнь возобладала и в религиозной сфере.

An analysis of results of students' survey in Belgorod University on their attitudes towards religion, and to role of religion in modern Russian society.

Т.Г. Рощина ЧТО ДАЕТ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ЖИТЕЛЯМ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Трудности переходного периода коснулись всех россиян, но особенно тяжелая социальная обстановка сложилась в малых городах, основная отличительная черта которых — ограниченные возможности занятости населения. В середине 90-х годов XX в. на них приходилось 47% всех официально зарегистрированных безра-

---

РОЩИНА Тамара Георгиевна — научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН.

ботных в городах России и только 19% инвестиций [1]. Бездействие предприятий, безработица, отсутствие условий для развития малого бизнеса, неразвитость коммерческих и финансовых структур осложняют поиск подработок. По данным исследования Института социально-экономических проблем народонаселения, проведенного в городе Вязники, только у 15% его жителей было не одно место работы, тогда как в крупных городах — у 40–50% [2]. Следует добавить, что, в отличие от сельской местности, в малых городах обычно нет возможности для ведения личного подсобного хозяйства и, соответственно, нет источника дополнительных средств. Оказавшись в наиболее тяжелой для выживания обстановке, многие жители этих городов были вынуждены прибегнуть к трудовой миграции.

С целью выяснения тенденций современной трудовой миграции, ее социальной и экономической роли в обществе Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии и Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН провели исследование в крупных городах России: Москве, Ставрополе, Смоленске, Барнауле, Иркутске. Аналогичное исследование¹ проведено в малых российских городах: Вязники (Владимирская область, 41 тыс. человек), Вязьма (Смоленская область, 57 тыс. человек), Десногорск (Смоленская область, 37 тыс. человек), Исилюль (Омская область, 27 тыс. человек), Кириши (Ленинградская область, 56 тыс. человек), Ярцево (Смоленская область, 55 тыс. человек). Получены материалы для сравнения особенностей развития трудовой миграции в зависимости от социально-экономической ситуации, географического положения и величины населенных пунктов.

В соответствии с общей методикой основным объектом исследования в городах было выбрано домохозяйство, в котором хотя бы один член занят выездной деятельностью. Такой выбор предопределен тем обстоятельством, что в тяжелых условиях малого города выживает не каждый человек сам по себе, а домохозяйство в целом. Основной метод исследования — интервьюирование².

Методика исследования предусматривала проведение социологического опроса в два этапа. На первом этапе по короткой анкете опрашивались представители 100 домохозяйств в каждом городе для выявления тех из них, где есть трудовые мигранты, и оценки степени вовлеченности населения в процесс трудовой миграции. Опрос осуществлялся по случайной выборке в разных районах города.

На втором этапе проводились глубокие интервью. Вопросы касались основных сведений о членах мигрантских домохозяйств, условиях и уровне их жизни и т.д. Часть респондентов подбиралась методом "снежного кома" среди челноков на рынках и наемных рабочих и строителей. Учитывались районы проживания трудовых мигрантов, численность жителей этих районов, возраст, пол, образование респондентов, с тем чтобы достигнуть представительства всего населения города. В ходе исследования были опрошены члены 360 домохозяйств.

Как оказалось, степень вовлеченности домохозяйств малых городов в трудовую миграцию очень высока. Масштабы ее развития в первую очередь напрямую зависят от экономической ситуации и географического положения города. Так, в относительно благополучных Киришах и в приграничном Исилюле в этот процесс вовлечены только по 6% домохозяйств; в Десногорске — 15%; в Вязьме — 17%, а в двух городах с простаивающей промышленностью соответствующий показатель на порядок выше: 25% — в Ярцево и 30% — в Вязниках. В крупных рос-

¹ Исследование выполнялось совместно с Ю. Флоринской при поддержке Фонда Форда.

² В основу методики положен опыт международного исследования внешней миграции населения Украины, Литвы и Польши в рамках проекта Европейской экономической комиссии ООН [3].

сийских городах доля домохозяйств, члены которых выезжают работать в другие места, от 8 до 12% [4].

Большинство работающих на выезде — мужчины (от 72% в Исилюле до 51% в Вязме). Среди "челноков" преобладают женщины (72%), а среди строителей — мужчины (96%). Такие женские сферы занятости, как общественные и домашние услуги, освоены мигрантами из малых городов пока слабо.

Возраст опрошенных варьирует от 20 до 63 лет, но чаще всего это люди 25–49 лет.

Трудовой миграцией занимается не только наиболее активная, но и наиболее образованная часть населения: 27% — лица с высшим и незаконченным высшим образованием, 39% — со средним специальным, 34% — с неполным средним и средним. Самый высокий уровень образования у мигрантов, занимающихся коммерцией, — только 20% из них имеют среднее или неполное среднее образование, тогда как среди строителей таких большинство — 53%.

Наиболее распространенный тип мигрантского домохозяйства в малом городе, судя по данным нашего исследования, — одна полная семья из трех–четырёх человек (65%), в которой нет инвалидов и больных. Последнее позволяет ей функционировать в специфических условиях выездной работы и обеспечивать необходимую мобильность взрослым членам. Средний размер такого домохозяйства в малых городах — 3,6 человека; в крупных городах — 3,2, в среднем по России — 2,7 человека [5]. В большинстве домохозяйств (60%) есть дети до 16 лет (в крупных городах — около 40%) [6].

В 14% домохозяйств на выезде работают двое, а в 4% — трое его членов — как правило, супруги и дети. В остальных случаях на заработки уезжает глава семьи.

Основные причины, побудившие респондентов заняться работой на выезде, — экономические, связанные с сокращением промышленного производства, закрытием предприятий и учреждений, ростом безработицы и, как следствие, резким снижением уровня жизни. Это подтверждает вынужденный характер трудовой миграции, обусловленный внешними, не зависящими от самого мигранта обстоятельствами.

20,5% опрошенных указали, что стали искать работу в другом городе в связи с закрытием предприятий и увольнением/сокращением с прежнего места работы, 14% не смогли найти работу в своем городе, так как экономический кризис сократил возможности трудоустройства по месту жительства. Для 40% респондентов основным мотивом явились низкий уровень заработной платы, а также нерегулярные ее выплаты. 23% респондентов надеялись с помощью выездной деятельности "хорошо заработать". Наконец, 2,2% опрошенных хотели "попробовать себя в другом деле".

Всплеск трудовой активности мигрантов в России пришелся на 1992 г. На протяжении 1990-х годов число трудовых мигрантов постепенно увеличивалось, хотя для динамики этого явления в отдельные годы по отдельным городам были характерны незначительные спады. И если в крупных городах дефолт 1998 г. привел к снижению выездной активности населения, то в малых городах самый большой ее всплеск был связан именно с этим кризисом, когда из-за дефолта обострилась проблема занятости и низких зарплат. Резкое падение курса рубля и, следовательно, удорожание жизни, поставили на грань выживания многие семьи. В 1998–1999 гг. на выезде стали работать 36% респондентов.

В последние годы темпы развития временной трудовой миграции несколько замедлились, что, безусловно, является следствием улучшения ситуации на внутрирегиональных рынках труда и общего экономического положения в стране.

Тем не менее процесс включения новых контингентов в выездную деятельность в малых городах достаточно интенсивен. В настоящее время постепенно сокращаются масштабы челночной торговли, а самым динамично развивающимся видом трудовой миграции является работа по найму. Иными словами, происходит трансформация трудовой миграции в сторону более организованных форм деятельности.

Главные способы трудоустройства на выезде — самостоятельный поиск работы (44%), а также через родных и знакомых (45%). К помощи бюро по трудоустройству прибег всего 1% опрошенных, что говорит как о пассивной работе таких служб, так и о недоверии к ним со стороны населения. В Киришах, Десногорске и Ярцево респонденты даже предпочли воспользоваться услугами "черных" бирж (3%). По объявлениям нашли работу 6% респондентов.

Основное направление поездок опрошенных — регионы России. На внутрироссийские поездки приходится 92% всех выездов (от 85% в Киришах до 98% в Ярцево), а на дальнее зарубежье — от 1% в Вязниках и Ярцево до 13% в Киришах. Трудовые мигранты из малых городов тяготеют к своим региональным центрам, но из городов, расположенных в окружении Москвы, направляются в столицу, минуя областные центры. Так, в настоящее время в Москву выезжают 31% опрошенных в Киришах, 76% — в Ярцево, 77% — в Вязниках, 82% — в Десногорске, 89% — в Вязме и 5% — в Исилькуле.

География поездок меняется в зависимости от обстоятельств. "Челноки", начавшие работать на выезде раньше всех, первые свои поездки совершали в зарубежные страны — Польшу, Турцию, Китай. С середины 90-х годов число поездок в дальнее зарубежье снижается, а после 1998 г. сходит на нет, так как августовский финансовый кризис, вызвавший резкое падение курса рубля и удорожание транспортных расходов, сделал поездки за рубеж нерентабельными. Произошла переориентация на отечественные оптовые рынки, расположенные в ближайших крупных городах и в Москве. Особенностью же коммерческой миграции в Исилькуле является использование преимуществ приграничного положения: часть товаров скупается в ближнем зарубежье — Казахстане, Киргизии, а затем продается как в самом Исилькуле, так и в соседних сибирских областях.

Поездки работающих по найму, по сравнению с коммерческими мигрантами или строителями, географически более разветвленные. Естественно, среди них тоже высока доля работающих в близлежащих крупных городах, но при этом высок процент поездок и на дальние расстояния. В среднем 6–7% отправляются на заработки в Западную Европу, Израиль, Канаду; ими освоены Европейский Север, Тюменская область, Новосибирск и Урал. Строители, как правило, на дальние расстояния не ездят, предпочитая близлежащие крупные города и их пригороды.

Исследование подтвердило огромную роль выездных заработков для поддержания уровня жизни домохозяйств. Подавляющее большинство респондентов (92% по всем городам) назвали работу на выезде одним из основных источников дохода, для каждого второго выездные заработки являются единственным источником средств существования.

Как показало исследование, трудовые мигранты довольны материальным положением своих домохозяйств: 68% респондентов заявили, что "живут хорошо, без особых материальных проблем" или "более или менее приемлемо", 30% "живут очень скромно" и только 2% ответили "бедствуем". Между тем в целом по России, согласно опросам Аналитического центра Юрия Левады в ноябре 2004 г., материальное положение своей семьи как хорошее определили 9% россиян, среднее — 52% и плохое — 37% [7].

Довольно высокой оказалась и самооценка мигрантами своих жилищных условий. Считают, что жилищная проблема у них решена, 41% опрошенных, совсем не устраивает жилье 13%, по мнению остальных, занимаемое жилье недостаточно благоустроено.

Весьма высока удовлетворенность количеством и качеством своего имущества: 67,5% респондентов полагают, что "имеют почти все, что хотелось бы иметь". То же касается и наличия предметов длительного пользования. Обеспеченность дорогостоящими предметами обихода и бытовой техникой в мигрантских домохозяйствах малых городов выше, чем у населения в целом. По данным Ю. Левады, в 2004 г. собственным автомобилем владели 22% российских семей, тогда как среди трудовых мигрантов из малых городов — 55%, домашним компьютером — 12% и 20% соответственно, видеомаягнитофоном — 39% и 80%, СВЧ-печью — 15% и 21% [7].

Анализ оценок респондентами своего материального положения однозначно свидетельствует: миграция как стратегия выхода из трудного экономического положения в подавляющем большинстве случаев себя оправдывает. По признанию 62% опрошенных, материальное положение их семей за период выездной деятельности улучшилось, а у 14,4% — значительно улучшилось.

Среди главных проблем, успешно решенных с помощью выездных заработков, чаще всего называлась обеспеченность хорошим питанием и одеждой. Кроме того, 42% семей смогли купить бытовую электро- и радиотехнику и пятая часть — новую мебель. Каждый четвертый легковой автомобиль (в Киришах каждый второй, в Исилькуле третий) и почти все грузовые приобретены на выездные заработки, 20% домохозяйств за счет этих заработков улучшили жилищные условия.

Кроме удовлетворения элементарных жизненных потребностей, на которые расходуется основная часть заработанных денег, выездная деятельность позволила некоторым домохозяйствам (6,7%) открыть собственные предприятия, нанять помощников для бизнеса (5%). У семей появилась возможность пользоваться платными медицинскими услугами (17,8%), отдыхать за границей (7,8%) или на курортах бывшего СССР (15%). Важная статья расходов — образование детей. Каждый четвертый опрошенный помогает родственникам, живущим отдельно (взрослым детям, родителям).

Судя по полученным данным, чем выше уровень образования, тем выше удовлетворенность трудовых мигрантов своими заработками: 63% респондентов с высшим образованием полностью довольны получаемыми доходами, среди респондентов со средним специальным образованием таких 50%, а с более низким — 46%. Принято считать, что работники с высоким образовательным уровнем, занимаясь выездной работой, переходят из высококвалифицированной в неквалифицированную сферу труда и образование становится в этом случае лишним атрибутом. Но, как показывают исследования, образованные трудовые мигранты в силу своих знаний, опыта занимаются любым видом деятельности успешнее по сравнению с другими, менее образованными людьми. Респонденты с высоким уровнем образования дали более высокие оценки материального положения своих домохозяйств, они в большей степени удовлетворены качеством домашнего имущества. Материальное положение своего домохозяйства значительно улучшил почти каждый четвертый мигрант, закончивший вуз, против 8% респондентов со средним образованием.

Каждому десятому мигранту с высшим и средним профессиональным образованием доходы от работы на выезде позволили открыть свое дело (чего не удалось сделать мигрантам со средним образованием), каждому пятому — улуч-

шить жилищные условия, значительная часть средств тратится на отдых, медицинские услуги и образование. Что касается респондентов с низким образованием, то они в основном удовлетворяют потребности домохозяйства в питании, одежде, покупают предметы домашнего обихода. Только незначительная доля респондентов этой группы смогла позволить себе и своей семье отдых за границей и на курортах бывшего СССР, материально помогать родственникам, а также оплачивать медицинские услуги и образование детей в коммерческих вузах. И хотя они находятся в более сложной жизненной ситуации и результаты выездной работы здесь скромнее, тем не менее и их надо рассматривать как позитивные, поскольку они позволили людям решить основную из поставленных задач — выжить.

Наиболее высока удовлетворенность выездными заработками у работающих по найму — 65,4% респондентов заработка вполне устраивают, среди коммерческих мигрантов и занимающихся строительством и ремонтом — 45,6% и 44,6% соответственно. Считают, что зарабатывают "довольно скромно" 24,6% работающих по найму, 37,4% "челноков" и 44,6% строителей. Среди работающих по найму неудовлетворенных получаемыми доходами только 3,1%, что в 3 раза меньше, чем среди "челноков" (10,2%) и строителей (9,6%). Каждый четвертый респондент, занимающийся челночным бизнесом, ответил, что его семья живет без особых материальных проблем, среди работающих по найму и строителей таких в 1,5–2 раза меньше. Среди трудовых мигрантов, занимающихся строительством и ремонтом, самая высокая доля домохозяйств, живущих очень скромно (38,6%). Такая картина характерна для всех исследуемых городов.

Оценка трудовыми мигрантами имущества домохозяйств также отличается в зависимости от вида деятельности. Ответили "у нас есть все, что хотелось бы иметь, все вещи новые и современные" 20% "челноков", 14,5% занимающихся ремонтными и строительными работами и 13,8% работающих по найму. Негативно оценили состояние своего домашнего имущества ("вещи старые, их пора обновлять") 33,7% строителей, 28,6% коммерческих мигрантов и 29,2% работающих по найму.

На эффективность трудовой миграции влияет также срок работы на выезде: мигранты со стажем более шести лет добились больших результатов, чем те, кто стал выезжать на заработки в последние годы.

Вместе с тем работа на выезде оказывает и отрицательное влияние на жизнь домохозяйства, ведь это тяжелый, изматывающий труд, требующий большого физического и душевного напряжения. Среди отрицательных моментов наиболее часто встречаются жалобы на ухудшение здоровья, нехватку времени на воспитание детей, ухудшение семейных отношений. Одним из отрицательных моментов выездной деятельности является снижение социального статуса квалифицированных работников, растрата обществом образовательного потенциала.

Примечательно, что не отметили никакого положительного влияния работы на выезде на жизнь домохозяйств только 2% трудовых мигрантов, а никакого отрицательного — 33%.

Несмотря на все трудности и отрицательные стороны выездной работы, 68% опрошенных твердо намерены ее продолжать. Процент собирающихся бросить существенно выше в промышленно развитых городах по сравнению с "экономическими застойными" (13–14% в Киришах и Десногорске против 2% в Вязниках). Видимо, расширяющееся в этих городах предложение рабочих мест становится все более конкурентоспособным с выездной деятельностью.

Таким образом, трудовая миграция, возникшая как форма адаптации населения к новым социально-экономическим условиям, стала не только действенным средством предупреждения бедности, что особенно актуально для малых городов России, но и постепенно превратилась в реальный и эффективный способ повышения уровня жизни и благосостояния для определенной части экономически активного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. "Сильные" и "слабые" города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 135–145.
2. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография. М., 1998.
3. In-Depth Studies on Migration in Central and Eastern Europe: The Case of Ukraine. UN Economic Commission for Europe, Economic Studies No. 12. NY&Geneva, 1999.
4. Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности. Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу "Миграция в России". М., 2001.
5. Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальный сайт Госкомстата России: <http://www.gks.ru/PEREPIS/report.htm>.
6. Бадыштова И.М. Трудовая миграция как средство выживания семьи в России // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу "Миграция в России". М., 2001.
7. Общественное мнение-2004. Ежегодник. Аналитический центр Юрия Левады. М., 2004.

Sociological study of people's involvement in working migration in small towns that for many households provides additional source of income.

Н.В. Панкратова, В.В. Солодников СОЦИАЛЬНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО

Последние десятилетия рождаемость в нашей стране неуклонно снижается, и подавляющее большинство научных публикаций о семье посвящено именно этой проблеме (иными словами — биологическому родительству). На наш взгляд, необходима иная расстановка исследовательских и социально-политических акцентов. Не следует забывать, что именно семья, особенно на ранних этапах социализации личности, по-прежнему создает важнейшие условия по накоплению и передаче "человеческого капитала" от поколения к поколению. Между тем в России дети из социально дезадаптированных (бедных, с применением внутрисемейного насилия, безработных и т.д.) семей, а также выпускники детских домов и интернатов являются социальным ресурсом деструктивных "нетолерантных" движений и криминальных сообществ.

ПАНКРАТОВА Наталья Владимировна — аспирант Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РГГУ, аналитик ЗАО "Исследовательская компания КОМКОН".